

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 130(2)+316.6+355.4

ТИПЫ СТРАТЕГИЙ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

Лев Викторович Шабанов

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, lev.shabanov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются виды принятия решения и стили руководства, связанные с ними. Показана корреляция социально-психологического типа стратегирования как процесса принятия управленческого решения и факторов давления среды в виде сложившейся ситуации, прогноза на действия противника и понимания деятельности своих подчинённых. В статье показаны три исторически сложившихся группы стратегий: стратегия как представление (древнегреческое понимание, наиболее отработанное в период войн Александра Македонского), стратегия как концентрация/деконцентрация сил (древнеримское стратегирование, отработанное в Галльских войнах Юлия Цезаря) и стратегия как спланированная военная хитрость (китайская трактовка в виде схем-стратагем Сунь Цзы). Эти стратегии имеют определённые правила применения и используются до сих пор. В статье приведены примеры стратегического воздействия из Древней истории, Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Ключевые слова: стратегия, расстановка, стратегирование, концентрация, стратагема, алгоритм

Для цитирования: Шабанов Л. В. Типы стратегий как социально-психологический феномен принятия решения // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 93–102. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/017.pdf>.

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Original article

TYPES OF STRATEGIES AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON OF DECISION-MAKING

Lev V. Shabanov

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, lev.shabanov@mail.ru

Abstract. The article discusses the types of decision-making and leadership styles associated with them. The correlation of the socio-psychological type of strategizing as a managerial decision-making process and environmental pressure factors in the form of the current situation, the forecast for the actions of the enemy and the understanding of the activities of their subordinates shown. The article shows three historically formed groups of strategies: strategy as a representation (ancient Greek understanding, most worked out during the wars of Alexander the Great), strategy as concentration of forces (ancient Roman strategizing, worked out in the Gallic wars of Julius Caesar) and strategy as a planned military ruse (Chinese interpretation in the form of Sun Tzu stratagems). These strategies have certain rules of application and still used today. The article provides examples of strategic influence from Ancient history, the Middle Ages, Modern and Modern times.

Keywords: strategy, placement, strategizing, concentration, stratagem and algorithm

For citation: Shabanov L. V. Socio of strategies as a socio-psychological phenomenon of decision-making // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 93–102. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/017.pdf>.

© Шабанов Л.В., 2022

Введение

В современных социальных науках, когда заходит разговор о стратегии, как правило, эксперты используют количественные термины, приводя не столько «отраслевые» определения понятию стратегии (политическая, экономическая, стратегия развития и т. д.), сколько разграничивая стратегию с тактикой. Стратегия – длительная форма деятельности, тактика – короткая. Стратегия имеет большие ресурсы и строится на замысле их правильного применения, тактика – это работа в условиях дефицита ресурса и строится из необходимости его экономии. Стратегия объёмна и глобальна, тактика – локальна и ограничена массой сложившихся на конкретном участке условий. Между тем, многие специалисты уже не используют термина «большая тактика», который нивелирует количественные характеристики различий стратегии и тактики. И уж совсем становится неочевидным, что в истории войны, полководцами были отработаны три теоретических подхода к стратегии, которые оказывались выигрышными, каждая в своё время и в своём месте. В данной статье будут рассмотрены стратегии как некое представление (стратегия как странность, театр) для противника; как стратегирование сил и ресурсов (правильной расстановки страт), как последовательно применимой хитрости (системы перехвата инициативы).

Основные положения

Война в системе человеческих отношений являлась всего лишь одной из возможностей контроля энергетических, технологических и людских ресурсов. Если рассмотреть, например, старороманское, ныне английское слово *War* (русское – вор, свора, враг, варяг), то можно получить ряд производных, указывающих нам на саму профессию «стратега»: *weag* (носить на себе, рус. – *утварь*), *wirele* (провода, линии соединений, рус. – *варианты*), *work* (действие как физическая работа, лат. – операция), *warfare* как борьба (*to war*, согласуется с рус. – *товар*), *wearfare* как стоимость износа (лат. – амортизация), *warranty* (гарантии, рус. – *гвардия*), наконец; *whore* (скверный, продажный). Таким образом, задачи стратега – это рассчитать ресурс и доставить воинские подразделения к месту выполнения поставленной перед ними задачи (желательно сохраняя между ними связь (*сваржу*) и налаживая по ходу действия системы снабжения (*варево*, *навар*) и *квартиры*). Задачи тактика – это непосредственное боестолкновение и командование внутри стычки (*заварухи*), дабы не допустить разрушение строя и паники (*кавардак*).

Тактика – это философия пространства, в котором происходит определённое действие, связанное с общей стратегией как часть и целое.

Стратегия – это определённая философия времени, рассматривающая общее командование как концентрацию или деконцентрацию ресурсов в определённом ритме (ровном или равном) разворачивающейся операции (действия).

Стратегия в этом смысле соотносится с категорией время гораздо больше, нежели с категорией пространство (как страда – это не поле и не люди, а вовремя собранный урожай). Время в стратегии выступает не просто как длительность маневра, но и как характеристика возможного изменения или корректировки деятельности командира. Сам же командир, как стратег, управляет не только приданным ему ресурсом, но и вероятностью событий, а также и самой возможностью влияния на вероятности.

Отсюда, говоря о стратегировании, можно выделить три подхода:

I. «Греческий подход»: стратегия как театр (понятие «трагедия» в те времена не являлась «страдающим» жанром, более того имела в своём социально-психологическом основании «открытый» финал). Суть стратегии – путём демонстрации своих действий перехватить инициативу у противника и заставить его в противостоянии играть именно ту роль, которую ему навязали. Это тщательно подготовленная импровизация или хорошо обставленный яркими элементами, отвлекающими от сути процесса, фокус. Наиболее эффективно этот метод был применён: Александром Македонским в битве при Гавгамелах, в Российской военной истории – Иваном III Великим во время «Стояния на Угре» и Иваном IV Грозным в битве при Молодях; в современной истории, это стратегия вытеснения врага с территории Крыма в мае 1944 г. (И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, и А. М. Василевский).

II. «Римский подход»: стратегия как строительство обороны для перехода в контратаку и одержание победы (здесь, стратегия – это в первую очередь глагол, стратегирование – т. е. манипуляция стратами (блоками, элементами легиона) для создания перевеса через принцип концентрации/деконцентрации сил). Наиболее яркими примерами древности здесь являются осада Алезии Юлием Цезарем и бой Константина Великого у Мульвийского моста, в истории России – это Полтавская битва Петра I Великого и штурм Измаила А. В. Суворова; в современной истории – стратегический план Битвы за Москву маршала Б. М. Шапошникова.

III. «Китайский подход»: стратегия – как стратагема, в которой выбор направленного действия с открытым (очевидным) третьим шагом и закрытым вторым. Противостояние в небе и на земле – есть бесконечный путь хитрости. Здесь необходимо отметить автора «Книги 36 стратагем» генерала Сунь Цзы, в истории России – это стратегия войны 1812 г. (Александр I, Барклай де Толли, М. И. Кутузов), наступление Юго-Западного фронта 1916 г. генерала А. А. Брусилова и операция «Багратион» (лето 1944) маршала К. К. Рокоссовского.

Материалы и методы

Рассмотрим обозначенные тезисы через призму методов сравнительно-исторического абстрагирования и психологического анализа принятия решения стратегами, исходя из тех под-

ходов к решению стратегической задачи, которые были описаны выше.

Первая стратегия обозначена как «Греческий подход»: стратегия как театр (понятие «трагедия» в те времена не являлась «страдающим» жанром, более того имела в своём социально-психологическом основании «открытый» финал). Суть стратегии – путём демонстрации своих действий перехватить инициативу противника и заставить его в противостоянии играть именно ту роль, которую ему навязали. Главный объект воздействия – эмоциональный фон личности командира с целью ограничения рациональных факторов факторами эмоциональными за счёт простых тактических приёмов [1, с. 113–117].

Наиболее ярким примером подобной стратегии являются действия Александра Македонского в битве при Гавгамелах (1 октября 331 г. до н. э.) [2, с. 9–18]. Персидский царь Дарий III собрал вокруг себя армию, не просто превосходящую македонцев по численности, но и технологично: 100 тыс. конницы среднего вооружения, 200 тыс. ударной пехоты, до 70 тыс. тяжёлых пехотинцев «щитоносцев», до 15 тыс. тяжёлой конницы, 200 «серпоносных» колесниц, 15 боевых слонов (к обслуживанию войск были призваны 4 сатрапии \cong 1 млн чел.). Александр имел при себе 40 тыс. отборных пехотинцев и 7 тыс. конницы. Замысел Дария был прост: длинное отступление вглубь Персии, отрыв авангарда Александра от тылов и баз снабжения, затем окружение и ликвидация истощённой длительным переходом армии македонцев.

Генеральное сражение должно было проходить недалеко от крупного города (Ниневию) для непрерывного снабжения огромной армии в случае затяжного ожидания македонской капитуляции. У местечка Гавгамелы армии вышли на линию боевого соприкосновения. Понимая невозможность прямой победы Александр начал разыгрывать представление. Первые линии фаланг, как только на них были брошены колесницы с серпами и косами, подняв шум и выстрелив в морды летящим навстречу лошадям бычьими пузырями, волчьими головами и пр., вызвали свалку в рядах атакующих. Обезумевшие лошади повернули назад и порезали собственную пехоту. Дальний правый фланг персов неверно расценивая, подымающаяся неразбериху, двинулся вперёд и смяв левый фланг македонцев, стал угрожать всей армии Александра. Однако тот, предвидя возможности прорыва, расположил новую «декорацию» – богатый и практически не охраняемый обоз, куда и кинулась персидская конница, полностью выйдя из боя. Главным актом, разыгрываемой Александром «пьесы» была прямая атака на место расположения самого Дария III. Задача была простой – заставить Дария испугаться и бежать с поля боя. Бегство командующего, его гвардии (а их задача сопровождать царя), а также двора (т. е. его штаба) вызовет резкое падение качества управления войсками, а после приведёт к паническому бегству.

Дождавшись, когда с левого фланга персов

двинется конная лавина бактрийцев и массагетов, серьёзно открывая ряды персидской пехоты. Александр начал свой маневр. Сдвинув македонские фаланги так, чтобы они могли вклиниться в пехоту противника и создать тактический коридор, Александр во главе 9 конных эскадронов предпринял удар в направлении ставки Дария. За ним справа шла тяжёлая пехота, а слева – расширяли коридор 6 полков македонской фаланги.

Не видя начала македонской атаки, Дарий выслал подкрепление к захватившим обоз всадникам – сам же планировал оказать давление на первые ряды фаланги с помощью боевых слонов. Однако тут в ставку персидского царя ворвался первый македонский эскадрон – паника и замешательство решили исход битвы. Итог: Александр потерял 1 200 человек, Дарий – 40 тысяч, однако собрать армию заново персам уже не удалось (царь потерял лицо и доверие воинов).

История с выманиванием противника в виду демонстрации слабости или отступления довольно стара. Провоцирование противника к наступлению в невыгодных условиях на обозы предпринимали великий князь Александр Ярославич Невский (Ледовое побоище), Эдуард III Плантагенет (битва при Креси), в Болгарской компании Андроника III Палеолога (1329).

Другая стратегия, связанная с демонстрацией «декораций», была предпринята в годы правления Ивана III Великого, во время его походов на Великий Новгород и в период знаменитого «Стояния на Угре» (осень 1480) [3]. Великий князь Московский, зная о военном союзе хана Большой Орды Ахмата и короля Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского Казимира IV, понимал, что война должна разворачиваться не на полях сражений, а на линиях коммуникаций. Запутав союзников с собственной же логистикой, можно было одержать победу малой кровью и не уходя от своих баз снабжения. Так крымский хан Менгли I Гирей «связал» войска Казимира в Подоле, отрезав контакты с ханом Большой Орды и обезопасив тылы московскому войску, а Иван III блокировал хана Ахмата, перекрыв мобильными стрелками все броды на реках угорской линии (Калужская область), закрыв Ахмату возможность карательного рейда на Крым с целью пополнения провизией и фуражом.

Война приобрела характер затяжного противостояния на истощение, однако, как только лагерь соперников «взаимоосадили» друг друга. Иван Молодой (сын Ивана III), царевич Нур-Девлет (сын Менгли I Гирея) под командованием князя Василия Ноздроватого-Звенигородского, произвели диверсионную вылазку в столицу Большой Орды – Новый Сарай. Хан Ахмат оказался в страшном положении – нет провианта, разграблена столица, в плену наследник. Наступила развязка: наследника обменяли на признание полного поражения Большой Орды и отказ от претензий на земли, входившие в Улус Джучи (территории России, Кавказа, Казани, Крыма, Причерноморья, Урала, Западной Сибири); голодная армия Ах-

мата напала и разграбила 12 городов короля Казимира (как месть за не оказанную помощь); в Большой Орде началась междоусобица (в январе 1481 года тюменский хан Ибак с ногайцами совершит удачное нападение на степную ставку Ахмата, где и убьёт его). В 1502 году хан Менгли I Гирей окончательно разобьёт войска Большой Орды, которая после этого прекратит своё существование.

В разгар I Ливонской войны (1558–1583) Иван IV Грозный получил удар в спину. Крымский хан, находясь в вассальной зависимости от Османской империи, развернул ряд походов против Астрахани (1563, 1567–1569), на Рязань (1570) и на Москву (1571). Иван Грозный, понимая, что постепенное усиление набегов крымчаков связано с их постоянным усилением за счёт турецкой армии, принял решение на маневренный бой с заманиванием противника в ловушку. Так, ожидая очередного похода на Москву в 1572 году, царём и опричниной была спланирована операция, известная в истории как битва при Молодях [4].

Было заведомо известно, что на Москву двинется не просто конная лавина крымчаков, ногаев и черкасов; они будут сопровождать мощный турецкий корпус, оснащённый артиллерией и инженерными частями (все набеги на города до 1572 года заканчивались неудачами именно из-за отсутствия осадной артиллерии и инженеров). Перевес сил противника так же был не в пользу русского царя (60 тыс. Девлет I Гирей против 23–25 тыс. гарнизонов, находившихся на линии «Пояса Богородицы» вокруг Москвы). Царь Иван Грозный принял решение на объединение сил земщины и опричнины вокруг воеводы Михаила Воротынского (20 тыс.) с задачей постепенного заманивания врага в узкое пространство, где бы Гирей не мог получить численного преимущества в атаке. На усиление Воротынскому были отправлены 7 тыс. рейтар капитана Фаренсбаха из Нарвы, а также отряды донских и запорожских казаков с задачей постоянно тревожить отстающие группы неприятеля, заставляя их держать плотные колонны (мешая друг другу).

Вся наступающая армада в итоге должна была выйти к Серпухову, где была установлена главная «декорация» битвы – гуляй-город воеводы Дмитрия Хворостинина, который изображал аррьергардные силы, прикрывающие отступление войск в Москву. Попытка Девлет Гирей обойти укрепления была пресечена ротами Штадена и Одоевского, которые несмотря на разгром, остановили врага, заставив Гирей поверить в бегство русской армии, прикрытое гуляй-городом. Замысел крымского хана был идти на Москву, где к тому времени с авангардом закреплялся воевода Иван Бельский, был встречен разумными возражениями со стороны Тербердей-мурзы и Дивей-мурзы, которые посчитали правильным разгромить московские гарнизоны по очереди, не оставляя у себя в тылу опасный укрепленный район, сломив который можно было прямо на плечах отступающих стрельцов войти в Москву.

С 31 июля правая рука крымского хана Дивей-

мурза, не дожидаясь подхода основных сил, повёл войска на гуляй-город. Штурм оказался неудачным, а сам мурза был взят в плен. Ко 2 августа 1572 года был подготовлен и начат второй штурм гуляй-города. Находящийся на внешней линии передовой отряд стрельцов (3 тыс.), а также конница, прикрывающая фланги, были практически уничтожены, но не пропустили врага – погибла лёгкая ногайская конница вместе со своим ханом, а также трое турецких мурзы вместе с их полками.

Девлет Гирей приказал конникам спешиться и бросил вперёд янычарскую гвардию (7 тыс.) с одной задачей – любой ценой сломать стены гуляй-города. Началась новая атака, однако местность не позволяла османам воспользоваться численным преимуществом. В момент нарастания штурма укреплений, воевода Воротынский предпринимает маневренный удар в тыл крымчакам, который был поддержан Хворостинным артиллерией из-за стен гуляй-города.

Только тогда хан Девлет понял, что имеет дело не с аррьергардом отступающей армии, а с самим русским войском, но было поздно. Не выдержав двойного удара, противник побежал (в Крым вернулось только 15 тыс. и на десять лет набеги с юга полностью прекратились).

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) также использовались стратегии «театра». Остановимся на операции по освобождению Крыма (8 апреля – 12 мая 1944) [5, с. 290–345]. Мало кто знает, но сама подготовительная часть первой Крымской весны была начата в ставке верховного главнокомандующего осенью 1943 г., когда на все предложения офицеров ставки по захвату плацдармов и штурму Перекопа, И. В. Сталин ответил: «Нет, противник из Крыма должен бежать сам. Задача Красной Армии – освобождение Украины». Дело в том, что в результате Мелитопольской (26 сентября – 5 ноября 1943) и Керченско-Эльтигенской десантной операции (31 октября – 11 ноября 1943) советские войска прорвали укрепления Турецкого вала на Перекопском перешейке, захватили плацдармы на южном берегу Сиваша и на Керченском полуострове, но освободить Крым сразу же не удалось.

В ставке было известно насколько мощную оборону создали немецко-румынские войска под командованием генерал-полковника Йенеке (сменён 1 мая 1944 генералом Альмендингером). Крымская группировка, собранная вокруг 17-й армии (штаб в Симферополе), имела около 200 тыс. чел., своё авиакрыло (148 самолётов) и ВМС (265 вымпелов, 60 десантных барж и 14 подлодок).

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин поставил координаторам фронтов, выходящих на Крым, маршалам К. Е. Ворошилову и А. М. Василевскому специфическую задачу. Было необходимо наладить широкополосное радиовещание, в передачах которого бы постоянно и ненавязчиво использовалось слово «эвакуация». С одной стороны, крымская группировка противника должна была привыкнуть и в конце концов

воспринимать как норму использование понятия эвакуация, с другой стороны – наступление Красной армии на Украине, отрезало Крым не только от тыловых баз, но и от всей системы логистики и снабжения. А в таких условиях «эвакуация» превращается в бессознательное стремление как можно быстрее оказаться на «большой земле», а не зарываться в землю и любой ценой удерживать «Готию» (Крым).

Радиостанции работали всю зиму: популярная музыка, последние известия и немного пропаганды, но главным было то, что слово «эвакуация» вошло в обиход солдат и офицеров вермахта. Над Крымом шли воздушные бои, на Чёрном море бились корабли, охотились подлодки, а Красная армия шла по Украине всё дальше и дальше на Запад. Первыми забили тревогу интендантские службы – начались перебои со снабжением – «воздушные мосты» и морские паромы не покрывали полностью необходимые запросы обороняющейся армии. Многие солдаты просто ждали любого повода, чтобы оказаться на румынских или болгарских паромах и убыть на Балканы. В этих условиях 8 апреля 1944 г. Красная армия начала освобождение Крыма. За 35 дней противник потерял около 150 тыс. живой силы (генерал Альмендингер 10 мая эвакуировался морем вместе со штабом на шнельботе и был отправлен в резерв, генерал-полковник Йенеке был отправлен под трибунал и 31 января 1945 г. исключен из списков вермахта). Безвозвратные потери РККА составили 17 754 человека.

Если провести корреляцию социально-психологического типа стратегирования как процесса принятия управленческого решения относительно сложившейся ситуации (факторов давления среды), прогноза на действия противника и понимания деятельности своих подчинённых, можно сделать вывод: стратегическая диспозиция напрямую зависит от тактических приёмов, «загоняющих» противника в ситуацию цугцванга (когда любое ответное действие ставит противоположную сторону во всё более и более худшие условия ведения боя) [6, с. 244].

Вторым типом стратегирования является «Римский подход»: стратегия как строительство обороны для перехода в контратаку, чтобы в наступлении одержать победу (здесь, стратегия – это в первую очередь глагол, стратегирование – т. е. манипуляция стратами (расстановка своих сил с учётом их качественных и количественных возможностей) для создания перевеса через принцип концентрации / деконцентрации сил). Главный объект воздействия – волевые качества личности командира (выдержка, решительность, организованность) [7, с. 6–9].

Наиболее классической операцией стратегирования здесь будет являться блестяще проведённая Юлием Цезарем осада Алезии (лето 52 г. до н. э.) [8]. Задача Цезаря оказалась крайне нетривиальной: с 60 тыс. войск (легионы составляли 50 тыс.), нужно было не просто взять штурмом укреплённую крепость (вождь Верцингеторикс сосредоточил там ок. 100 тыс.), но и от-

бить атаку союзных галлам войск (вождь Коммий вёл с собой войско ок. 250 тыс.), которые атаковали римлян с тыла. Навязав противнику идею длительной и осторожной осады, Цезарь решил провести следующую стратификацию сил: с одной стороны, отрезая город сплошной стеной от любых внешних связей, и полностью огородив тылы легиона внешним кругом оборонительных укреплений, внутри которых легионеры могли безопасно перемещаться с относительно спокойных участков на участки, подвергающиеся атакам извне. Так как теперь помощь в осаждённый город прийти не могла, Верцингеторикс решил изгнать из города всех небоеспособных лиц, включая женщин и детей. Выброшенные наружу жители Алезии оказались внутри кольца осады, но снаружи городских стен, мешая Верцингеториксу сделать эффективную вылазку, и полностью сковали действия осаждённых, которые должны были пробивать бреши в римских боевых порядках навстречу пришедшим на помощь войскам Коммий. С учётом отдельно действующего конного корпуса римлян в тылах наступающих сил Коммий, любая попытка прорыва зависела от возможностей управления армиями, разделёнными «двойным поясом» Цезаря. Однако возможности атаки одного из противников, тут же показывали римлянам, куда будет наносить удар второй. Так правильная стратификация войск позволила одержать Риму решающую победу в Галльской войне (58–50 гг. до н. э.).

Будущий император Рима Константин I Великий во время битвы с Максенцием у Мульвийского моста также использовал идею правильной стратификации войск [9]. Правильней сказать, что это была битва двух стратегических линий. Максенций, представитель первого типа стратегов (стратегия как театр), рассчитывал заманить Константина в ловушку. Он вывел крупное войско (ок. 80–100 тыс.) за стены Рима и переправился на северный берег Тибра. Возле разрушенного Мульвийского моста он приказал построить понтонную переправу, куда без особого выбора позиции вынужден будет наступать Константин. Крепления переправы имели хитрый замок, который должен был разрушить мостовые крепления, как только армия Максенция перейдёт на другой берег, а воины Константина (ок. 50 тыс.) возьмут переправу под свой контроль.

Утром 28 октября 312 г. войска выстроились напротив друг друга на северном берегу Тибра. В центр Максенций поставил отборных преторианцев для контроля за полем боя и ополченцев призывников, которые и должны были, неся огромные потери, отступая, заманить войска Константина в ловушку (на понтонный мост). Однако ложный манёвр Максенция не сработал. Стратегия Константина состояла в том, чтобы не штурмовать переправу, а ударить тяжёлой конницей вдоль берега реки и, посеяв панику и неразбериху в стане противника, отдать поле боя медленно наступающей пехоте. Сам же мост Константин рассматривал как путь отступления Максенция, который необходимо будет разрушить

при отступлении врага, чем и решить исход схватки. По иронии судьбы Максенций не просто попался в собственную ловушку, но и утонул во время крушения собственной переправы.

Несколько иная схема стратификации была предпринята императором Российской империи Петром I Великим во время Полтавской битвы (27 июля 1709) [10, с. 441]. Пётр должен был решить две задачи: не позволить Карлу XII Шведскому составить лучшую стратификацию нежели в Русской армии и максимально использовать поле битвы, создавая максимальные трудности маневренного боя для шведских войск. Для этого Пётр максимально укрепляет крепость Полтаву, которая принимает на себя практически всю артиллерийскую мощь шведского корпуса (королю Карлу придётся оставить под Полтавой 3/4 орудий, в битве с царём Петром будет участвовать только 41 орудие). Следующим решением Петра I стало сооружение редутов, развёрнутых «куриной лапкой» в направлении лагеря противника, но редуты были поставлены так, что наступающие шведы при любом тактическом маневре обхода армии Петра оказывались всегда под перекрёстным ударом редутной артиллерии. Однако Карл и его генералы увидели в редутах намеренье русской армии обороняться и по возможности контратаковать, но не вести специальных наступательных действий. При таком расположении сил у Карла XII была вполне обоснованная надежда – ударить отборными частями по новобранцам (их легко вычисляли по новой, невыцветшей на солнце форме) и обратив их в бегство, посеять панику и, создавая артиллерии невыгодные условия для стрельбы с редутов, быстро двинуться на русские армейские обозы, потеря которых и предрешит исход всей кампании.

Пётр предусмотрел эту хитрость и приказал переодеть новобранцев в старую форму, а новую отдать ветеранам. Несмотря на сильнейший удар шведов – русская армия выдержала атаку настолько, но что её второй эшелон в бой так и не вступил (рассказ о прорыве шведами первой линии и чудесном спасении Петра придуман литератором XVIII в. П. Н. Крёкшиным, отсюда и попал в историческую литературу).

Славу великого стратега генералиссимуса А. В. Суворова завоевал ещё в период Русско-турецкой войны (1768–1774) [11], но в рамках стратификации сил и резервов штурм крепости Измаил заслуживает отдельного рассмотрения. Непрístupная крепость с 35-тысячным гарнизоном и самой современной на тот момент фортификацией считалась главным оплотом Османской империи на северном побережье Чёрного моря. Именно в Измаил отступали разбитые турецкие части, получали там отдых и медпомощь, усиливали гарнизон. Суворов понимал, что взятие крепости – решит исход войны однозначно в пользу Российской империи, поэтому в начале декабря 1790 он с 31-тысячной армией двинулся к Измаилу. Для более выгодной расстановки сил была предпринята двухдневная бомбардировка крепости, в дымах и взрывах сераскир Мехмед-

паша не смог оценить замысла на штурм и определить, где будут располагаться основные, а где – вспомогательные штурмовые колонны. 11 декабря в 5.30 утра начался штурм: 5-ая штурмовая колонна атамана М. И. Платова взшла на стены крепости первой, к 8.00 утра – все укрепления были взяты под контроль, бои в самой крепости были завершены к 16 часам. Новым комендантом Измаила стал генерал-майор М. И. Кутузов.

Система правильной оценки поля боя и стратификации становится основой военной науки. Стратификации посвящают свои работы А. В. Суворов, Наполеон Бонапарт, фон Клаузевиц, фон Шлиффен, А. Бирс, а также исследователи I мировой войны (например, Л. Ф. Ричардсон, С. Б. Переслегин). Однако, наиболее ярко стратегия расстановки сил себя проявила в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Рассматривая один из самых трагических этапов войны – Битву за Москву (30 сентября 1941 – 20 апреля 1942), можно увидеть, как (главный стратег битвы) маршал Б. М. Шапошников выстраивает войска, постоянно гася скорость продвижения врага к столице (в октябре вермахт продвигается со средней скоростью 36 км/сутки, в ноябре – от 25 до 3,5 км/сутки, в декабре – максимальный проход вперёд = 1,5 км/сутки) [5, с. 120–180]. При этом с 16 октября Верховный главнокомандующий силами РККА И. В. Сталин отменяет эвакуацию правительственных учреждений из Москвы и ставит задачу на подготовку контрнаступления, даты которого ориентировочно ставятся на конец ноября – начало декабря. Шапошников начинает концентрацию сил для контрнаступления в условиях постоянных оборонительных боёв, когда думать о контрнаступлении нет никакой возможности. Однако из Сибири и Казахстана уже выдвигаются дивизии, которые остановят вермахт на подступах к столице, а из Дальнего Востока выходят эшелоны с войсками для контрнаступления, которые отбросят врага к Ржеву (не надо также забывать, что в этот же период идёт эвакуация заводов и предприятий – по одним и тем же путям, только в противоположном направлении). Резервы Урала и Поволжья находятся в готовности сдерживать противника на фланге групп армий «Центр» и «Юг», а Ленинград, куда в начале декабря отбудет Г. К. Жуков, также надёжно сдерживает возможные резервы группы армий «Север». При этом на Москву идут 2 млн человек при абсолютном превосходстве в авиации и артиллерии, а РККА за весь период сражений имеет не более 1 млн 250 тыс. человек, включая войска НКВД, партизан и ополченцев.

Подводя итог применения данного вида стратегии, можно увидеть корреляцию социально-психологического типа принятия управленческого решения с факторами давления среды в виде прогнозирования действий противника в свете понимания деятельности своих подчинённых в условиях реального поля боя, которое рассматривается как максимально взаимоувязанных

между собой опорных пунктов и линий противодействия. Коррелируют психологическая выдержка и опыт ресурсной организации: чем больше выдержка, тем меньше ошибок.

Третий тип – это «Китайский подход»: стратегия как стратагема, в которой выбор направленного действия с открытым (очевидным) третьим шагом и закрытым вторым: противостояние в небе и на земле – есть бесконечный путь хитрости. Главный объект воздействия – уровень субъектности личности командира, от психологического состояния которого и зависит боевой дух его армии [12].

Китайский генерал Сунь Цзы (VI в. до н. э.) считается автором (не только теоретиком, но и практиком) искусства применения военных стратагем. Для ведения войны он, опираясь на знаменитую «И-Цзин» (Книга перемен, описывающая все процессные состояния в 64 схемах-гексаграммах), разработал 36 схем («Искусства войны») [13]. Метод стратагем Сунь Цзы можно отразить в изречении: Беспорядок рождается из порядка, трусость рождается из храбрости, слабость рождается из силы. Порядок и беспорядок – это число (ресурс количества средств); храбрость и трусость – это мощь (ресурс качества подчинённых); сила и слабость – это форма (ресурс времени операции). Рассмотрим 3 стратагема на примере нескольких военных операций, проведённых армией России против объединённой Европы (Империя Наполеона и «Третий Рейх» Гитлера).

Стратегия войны 1812 г. (авторы: Александр I, Барклай де Толли, М. И. Кутузов), описывается в китайских военных стратагемах следующим образом: 2. «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао» (лучше врагов разделить, чем позволять им быть вместе; нападай там, где уступают, не нападай там, где дают отпор). Мало кто понимает, что русская армия, отступая от границы к Москве, занималась не только концентрацией сил (120 тыс. русских штыков против 500 тыс. общеевропейских под командованием Наполеона I), но и не проиграла ни одного сражения, постоянно нанося противнику чувствительные потери и вынуждая растягивать коммуникации [14, с. 348–392]. Наполеон в итоге вынужден был постоянно ослаблять ударную группу армии вторжения, в то время как фельдмаршал Кутузов (казалось бы, отступая и оставаясь в позиции), напротив, усиливался и обретал возможность не просто перехвата инициативы, но и полного разгрома самой мощной армии в мире. Далее была применена стратагема 16 «Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти» (*теснимый противник будет ещё сражаться, противник, имеющий пути для бегства, сражаться не будет; нужно преследовать врага, не давая ему передышки, но и не тесня его чрезмерно – когда же силы противника иссякнут, его воля сражаться исчезнет: вражеская армия рассеется и её можно пленить, даже не замочив в крови оружие*).

Генерал А. А. Брусилов, в условиях постоянного дефицита ресурсов и «снарядного голода», с особой тщательностью планировал наступление

Юго-Западного фронта, которое развернулось 27 мая по 7 сентября 1916 г. [15, с. 4–9] Генерал М. Галактионов, автор предисловия к воспоминаниям Брусилова, напишет: знаменитый «Брусиловский прорыв» стал предтечей замечательных прорывов, осуществлённых Красной армией в Великой Отечественной войне. Что же сделал такого новаторского генерал А. А. Брусилов, планируя наступление. Во-первых, решил провести по одному прорыву на фронте каждой из четырёх своих армий – это распыляло собственные силы, но и лишило противника возможности своевременно перебросить резервы на направление главного удара. Во-вторых, командующим армиями была предоставлена полная свобода выбора участков прорыва. Генералы армий на местах в прямом смысле слова, лучше видели слабые места противника, чем штабисты в тылу. В-третьих, Брусилов применил ещё одну новацию – короткую артподготовку. До этого артподготовка шла несколько суток, и противник просто уводил свои войска с позиций. Кроме того, сама артподготовка («указывала» противнику на участок будущего прорыва, что позволяло сконцентрировать силы для купирования и устранения критической ситуации на фронте. Хорошо укреплённая и глубокоэшелонированная оборона Австро-Венгрии считалась неприступной для Русской армии, поэтому нанесение главного удара летней кампании 1916 г. ожидалось на Западном фронте, а активность армий Брусилова воспринималась как отвлекающий маневр – демонстрация (описанный выше 1-й тип стратегирования).

В китайских стратагемах это описывается как 10. «Скрывать за улыбкой кинжал» (*добивайся доверия противника и внушай ему спокойствие – тогда осуществляя свои скрытые планы; подготовив всё, как подобает, нападай без колебаний и не давай врагу опомниться*).

Похожая ситуация разворачивалась в ходе Советско-Финской «Зимней» войны 28 февраля 1940 г., когда две армии Северо-Западного фронта под прикрытием ледяного «гуляй-поля» провели наступление в полосе от озера Вуокса до Выборжского залива, дезориентировав противника, так и не понявшего направление главного удара.

Маршал К. К. Рокоссовский и его Белорусская наступательная операция «Багратион» (лето 1944) – одна из крупнейших военных операций за всю историю человечества [5]. Однако, Гитлер, видя стратегию нанесения периферийных ударов, воспринимал успехи советского наступления, как случайные и некритичные для общего состояния вермахта, поэтому многократно запрещал отступление, не соглашаясь с предложениями своих генералов («на местах»), имевших более чёткое представление о действиях Рокоссовского. В ходе операции советская армия нанесла крупнейшее поражение немецкой армии за всю военную историю Германии, разгромив группу армий «Центр» Вермахта. Ни вернуть инициативу,

ни восполнить потери («Тысячелетний рейх») оказался не в состоянии – стратагема 30 «Превратить роль гостя в роль хозяина» (*нащупывать вход и продвигаться вперёд, пока не достигнешь главенства*).

Проведём корреляцию социально-психологического типа стратегирования и факторов давления среды: фактор стратагем решает главную задачу, показывая очевидный первый ход в процессе решения операции, после ответного хода противника, вторым ходом – перехватить инициативу и навязать врагу свои условия ведения противостояния, с целью его дальнейшего разгрома. Коррелируем расчёт и опыт: чем больше опыт (искусность), тем вернее расчёт.

Результаты

В данных типах стратегий рассматривается социально-психологический феномен принятия решения стратегом, который старается понять, как в конкретной ситуации выработать правильное решение. Сравнивая три подхода, условно обозначенных как греческий, римский и китайский, можно в ближайшем приближении заявить о следующих результатах:

1. «Греческий подход» (стратегия как театр) работает в условиях относительной свободы использования пространства и требует от стратега понимания трёх элементов, представленных в виде:

– сложившейся ситуации (карта местности и сама местность: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги»);

– возможных действий противника (какую стратегию выберет противоположная сторона: «сила силе доказала: сила силе – неровня»);

– оценки деятельности своих подчинённых (степень готовности и количество опыта: «день постоять, да ночь продержаться»).

2. «Римский подход»: стратегия как строительство обороны для перехода в контратаку с дальнейшим одержанием победы (здесь, стратегия – это в первую очередь глагол – стратегирование) работает в условиях относительной свободы использования времени и требует от стратега понимания:

– своевременности управленческого решения относительно факторов давления среды («даже если местность неизменна, время всё равно идёт и количество изменений нарастает»);

– прогноза на действия противника («хватит ли времени у противника, чтобы понять замысел стратега, а если – да, то хватит ли у него времени на создание контрманевра»);

– понимания ресурса своих подчинённых («быстрота реакций подразделения всегда зависит от степени растраченной впустую энергии, дачи и выполнения команд, в которых не было необходимости, ненужных организационных мероприятий, создающих хаос и разногласия командования»).

3. «Китайский подход»: стратегия применения хитрой многоходовки, где противник видит 1-й и

3-й ход стратега, но не видит 2-го, что позволяет варьировать преимущества и недостатки времени и пространства боя;

– процесс принятия управленческого решения («время есть, ресурса – нет, значит, ресурсом становится избыток времени»);

– факторов давления среды в виде сложившейся ситуации («есть возможность подготовить пространство для боя, но не нет времени на привлечение ресурса, значит, растягивая пространство события, навязываем противника ту же дефицитарность»);

– прогноз действий противника и деятельности своих подчинённых («заставить противника думать, что у него есть время, но нет пространства – или наоборот, заставить подчинённых действовать на своём пространстве, как будто у них нет времени – или наоборот»).

Обсуждение

Название стратегий, представленных в статье, было предложено, исходя из исторического пути каждого из типов рассматриваемых действий, что облегчает научную часть теоретического восприятия информации.

«Греческий подход» (от применения фаланги, как единицы комплексного боя, до возникновения Империи Александра Македонского) – это в первую очередь стратегия понимания большого маневра относительно действий противника. Именно от правильности понимания, разыгрываемой «трагедии» и зависит успех. Подобные стратегии используются не просто против превосходящих сил противника, но и ввиду слишком большой протяжённости фронта соприкосновения – когда управление подразделениями или серьёзно затруднено, или вообще невозможно. Стратег здесь выступает своеобразным режиссёром театральной постановки, запутывающим и разведку, и тактиков, и стратегов противника. Главный объект воздействия греческой стратегии – эмоциональный фон личности командира, а цель – заставить его ошибиться, перейдя с рационального уровня оценки обстановки на эмоциональный.

«Римский подход» (от распределения отдельных задач в рамках всего комплекса легиона и до создания Юлием Цезарем легионов Римской империи): стратегия как строительство обороны для перехода в контратаку и одержание победы (здесь, стратегия – это в первую очередь глагол, стратегирование). Главный объект воздействия – волевые качества личности командира, а цель – заставить его потерять стратегическую инициативу ввиду постоянного нарастания потока данных, в которых невозможно определить направление главного удара.

«Китайский подход» (от появления трактатов о стратагеммах, на основании которых рождается новая китайская армия, до образования комплексного военного дела Китайской Империи Цинь): главный объект воздействия – уровень субъектности командира, а цель – дать возможность

врагу максимально и не по назначению использовать весь свой стратегический ресурс во времени и пространстве, чтобы нанести ему ответный удар, решающий исход противостояния.

За пределами детального рассмотрения остались элементы оценки обстановки:

Сумма комбинаций явлений, которую можно вычислить через наблюдаемые события, которые могут повторяться, иметь своё пред и пост явление, а значит, возможность предопределять следующие за ними события.

Сумма интерпретаций фактов, которые объясняют состоявшиеся события – их длиной, прерыванием, повторяемостью, пред и пост фактами, связь которых становится очевидной.

Сумма замеченных явлений (*которые могут не быть фактами, являясь мифом, легендой, идеологией, проектом*) в общем потоке Бытия и событий жизни, вычленяемых человеком как состоявшиеся, ожидаемые, неизменные, неотвратимые, предотвращённые.

Сумма упущенных фактов (*незамеченных / находящихся за пределами внимания*) в событиях, влияние которых может быть изучено или просчитано с определёнными вероятностями (что и позволяет видеть «окно» возможностей).

Здесь, поднимая вышеуказанные вопросы, имеет смысл рассмотреть эти феномены стратегии за пределами статьи о стратегировании, концентрируясь на психологическом портрете стратега, его волевых качествах, субъектности. Суммирование комбинаций, интерпретаций, замеченных явлений и упущенных фактов – является не столько алгоритмом стратегии, сколько качественными показателями самого стратега, что является темой другого исследования.

Выводы

Все три теоретически-описанных типа стратегии оказываются выигрышными, но каждая в своё время и в своём месте.

Корреляция социально-психологического типа стратегирования (стратегия как театр, трагедия)

есть процесс принятия управленческого решения в пространстве факторов постоянно меняющегося давления среды в виде сложившейся ситуации, прогноза на действия противника и понимания деятельности своих подчинённых в пространстве. Стратегия побеждает именно тогда, когда оказывает успешное воздействие на эмоциональный фон личности командира армии противника.

Корреляция социально-психологического типа стратегирования (концентрация и смена страт) как процесса принятия управленческого решения и факторов чётко распознанных, опознаваемых элементов давления среды в виде сложившейся ситуации, прогноза на действия противника и понимания деятельности своих подчинённых во времени. Стратегия побеждает именно тогда, когда оказывает успешное воздействие на волевые личности командира армии противника.

Социально-психологический тип стратегирования (стратегема, хитрость многоходовки) как процесс принятия управленческого решения и факторов давления среды в виде сложившейся ситуации, прогноза на действия противника и понимания деятельности своих подчинённых, коррелирует в обратной связи («время ≠ пространство»), что позволяет воздействовать на уровень субъектности личности командира армии противника (заставляя его либо использовать возможности пространства при дефиците времени, либо располагать временем, но не иметь пространство маневра).

Таким образом, вся сумма стратегий оказывается в зависимости от правила выбора решения (стратегия поиска и перехват), но при этом остаётся свободной от режима выбора этих правил (либо театр, либо концентрация страт, либо стратегема), т. к. основная цель стратегирования – это постоянное количественное давление тактическими угрозами на противника, когда локальная задача реагирования на нарастание угрожающих действий, позволит в итоге создать на одну угрозу больше, чем может парировать противник.

Список источников

1. Александрин В. В. Знак эмоции противоположен направлению изменения мотивационного возбуждения // Актуальные проблемы современной науки. М., 2018. № 6 (103). С. 113–117.
2. Грин П. Александр Македонский: Царь четырёх сторон света. М. : ЗАО «Центрполиграф», 2003. 304 с.
3. Разин Е. А. История военного искусства: VI–XVI вв. М. : Полигон; АСТ, 1999. Т. 2. 656 с.
4. Разин Е. А. История военного искусства XVI–XVII вв. М. : Полигон, 1999. Т. 3. 736 с.
5. Исаев А. В., Дробин А. В. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Язуз, 2019. 576 с.
6. Шабанов Л. В. Общая конфликтология. СПб. : НИЦ АРТ, 2017. С. 244.
7. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб. : Питер, 2006. 208 с.
8. Цезарь Гай Юлий Записки о Галльской войне = Commentarii de Bello Gallico. М. : Азбука-Классика, 2021. 288 с.
9. Бейкер Дж. Константин Великий. Первый христианский император. М. : ЛитРес, 2004. 320 с.
10. Тарле Е. В. Северная война: Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I. М. : АСТ, 2011. 701 с.
11. Шишов А. В. Генералиссимус великой империи. М. : Олма, 2005. 480 с.
12. Dyachkov A. A., Suvorova O. V., Shabanov L. V. The development of personality qualities of future officers of law enforcement agencies of the Russian Federation // WEB OF SCIENCE SHS Web of Conferences 113, 00037 (2021)/ICTP 2021. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/24/shsconf_ictp2021_00037/shsconf_ictp2021_00037.html (дата обращения: 16.02.2022).

13. Сунь Цзы Военные стратагемы. М. : АСТ, 2018. 192 с.
14. Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии // Историография. Материалы круглого стола. Французский ежегодник, 2011. № 14. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2011/RoundTable1812-2011.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).
15. Егереv В. В. Брусиловский прорыв (К столетию наступательной операции русского Юго-Западного фронта) // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения. Вольск : Изд-во ВА МТО им. А. В. Хрулёва, 2016. № 2 (38). С. 4–9.

References

1. Aleksandrin V. V. Sign of emotion is opposite to direction of change of motivational arousal. *Current problems of modern science*. Moscow. 2018;6(103): 113-117. (In Russ.).
2. Grin P. *Alexander the Great: King of the Four Sides of the World*. Moscow. ZAO «Centropoligraf». 2003. (In Russ.).
3. Razin E. A. *History of military art: VI–XVI centuries*. Saint-Petersburg: Poligon. 1999. Vol. 2. (In Russ.).
4. Razin E. A. *History of military art: VI–XVI centuries*. Saint-Petersburg: Poligon. 1999. Vol. 3. (In Russ.).
5. Isaev A. V., Drabkin A. V. *History of the Great Patriotic War 1941–1945*. Moscow: Yauza. 2019. (In Russ.).
6. Shabanov L. V. *Common Conflict*. Saint-Petersburg: NIC ART. 2017. (In Russ.).
7. Ivannikov V. A. *Psychological mechanisms of will regulation*. Saint-Petersburg: Piter, 2006. (In Russ.).
8. Cezar' Gaj YUlij *Commentarii de Bello Gallico*. Moscow: Non-Fiction, 2021.
9. Bejker Dzh. *Constantine the Great. First Christian Emperor*. Moscow: LitRes. 2004. (In Russ.).
10. Tarle E. V. Northern War: Northern War and the Swedish invasion of Russia. *Russian Navy and Foreign Policy of Peter I*. Moscow: AST. 2011. (In Russ.).
11. SHishov A. V. *Generalissimo great empire*. Moscow: Olma. 2005. (In Russ.).
12. Dyachkov A. A., Suvorova O. V., Shabanov L. V. The development of personality qualities of future officers of law enforcement agencies of the Russian Federation. In: *WEB OF SCIENCE SHS: Web of Conferences 113, 00037 (2021)*. Available from: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/24/shsconf_ictp2021_00037/shsconf_ictp2021_00037.html (Accessed 16th February 2022). (In Russ.).
13. Sun' Czy *Military stratagems*. Moscow: AST. 2018. (In Russ.).
14. Patriotic War of 1812: topical issues of modern historiography. In: *Historiography. Round table materials. French Yearbook; 2011;14*. Available from: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2011/RoundTable1812-2011.pdf> (Accessed 25th January 2022). (In Russ.).
15. Egerev V. V. Brusilovsky breakthrough (To the centenary of the offensive operation of the Russian South-Western Front). In: *Scientific Bulletin of the Volsk Military Institute of Material Support*. Vol'sk: Izd-vo VA MTO im. A. V. Hrulyova. 2016;2(38): 4–9. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. В. Шабанов – доктор философских наук,
кандидат психологических наук

Статья поступила в редакцию 23.02.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Contribution of the author

L. V. Shabanov – Doctor of Sciences (Philosophy),
Candidate of Sciences (Psychology)

The article was submitted 23.02.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.